

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Андреева-Дельмас Любовь (1879–1969)

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

Александр Блок

В 1912 году в Петербурге открылся новый театр — Музыкальная драма. Второй его постановкой стала опера «Кармен». На премьере 9 октября 1913 г «вдруг, в буре бессмертной бравурно-тревожной музыки, на сцене возникла настоящая Кармен, полная огня и страсти, вся — дерзкая, неукротимая воля, вся — вихрь и сверканье, — пишет В. Орлов в своей книге об Александре Блоке. — Разлетающиеся юбки, рыжие косы, сияющие глаза...

Это была еще не очень известная столичной публике оперная актриса (меццо-сопрано). Украинка по происхождению, она в 1905 году окончила Петербургскую консерваторию, пела в киевской опере, в петербургском Народном доме, участвовала в Русских сезонах в Монте-Карло. Когда Блок увидел ее, ей шел тридцать пятый год (поэту — на два года меньше). Она была замужем за известным басом-баритоном Мариинской оперы П. Андреевым. Исполнение партии Кармен было ее первым и, в сущности, единственным настоящим сценическим успехом. Все, что она спела в дальнейшем... не шло ни в какое сравнение с ее Кармен.

Была ли она хороша собой? Бог знает, теперь установить это трудно. Сохранившиеся фотографии довольно плотной дамы... признаться, не позволяют догадываться о бушевавшей в ней «буре цыганских страстей»... У Блока было свое представление о женской привлекательности, бесконечно далекое от стандарта писаной красавицы. Все его женщины были не красивы, но прекрасны, — вернее сказать, такими он сотворил их — и заставил нас поверить в его творение. Однако вот впечатление стороннего наблюдателя (март 1914): «...рыженькая, некрасивая». Но какое все это имеет значение, если живет и будет жить только дивный женский образ, созданный воображением поэта!»

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!..

А вот какой увидела ее М.А. Бекетова, тетка поэта: «...велика притягательная сила этой женщины. Прекрасны линии ее высокого, гибкого стана, пышно золотое руно ее рыжих волос, обаятельно неправильное, переменчивое лицо, неотразимо влекущее кокетство... В этом пленительном облике нет ничего мрачного или тяжелого. Напротив — весь он солнечный, легкий, праздничный. От него веет душевным и телесным здоровьем и бесконечной жизненностью. Соскучиться с этой Кармен так же трудно, как с той, настоящей... Отношения между поэтом и Кармен были самые лучшие до конца его дней».

«Я — не мальчик, я много любил и много влюблялся, — писал поэт актрисе. — Не знаю, какой заколдованный цветок Вы бросили мне, не Вы бросили, но я поймал. Когда я увидел Вас без грима и совершенно не похожей на ту, на Вашу Кармен, я потерял голову больше, чем когда я видел Вас на сцене...»

Начались их нескончаемые прогулки по Петербургу, «и улицы, и темная Нева, и Ваши духи, и Вы, и Вы, и Вы!» Ее концерты, опять забываемая Кармен, совместное

выступление в зале Тенишевского училища, бесконечные, по многу раз за день, телефонные разговоры. Блок записывает в дневнике:

«Я ничего не чувствую, кроме ее губ и колен»; «Она приходит ко мне, наполняет меня своим страстным дыханием, я оживаю к ночи...»

Розы — страшен мне цвет этих роз,
 Это — рыжая ночь твоих кос?
 Это — музыка тайных измен?
 Это — сердце в плену у Кармен?

...Совсем юной вошла Любовь Тишинская в самостоятельную жизнь (Дельмас — ее театральный псевдоним и девичья фамилия матери, Зелины Францевны). Она только что окончила гимназию в родном Чернигове, когда внезапно умер отец. С благословения матери девушка, страстно мечтавшая о театре, уехала учиться пению — все дети Тишинских (в семье Люба была седьмой) обладали прекрасными голосами. Настойчивость и трудолюбие помогли будущей Кармен быстро выдвинуться в число лучших учениц консерватории. Затем наступили годы стажировки у известных оперных певцов, наконец — заграничное турне 1911–1912 с Шаляпиным (Дельмас пела партию Марины Мнишек в «Борисе Годунове»).

Театр Музыкальной драмы оказался для певицы настоящей находкой. Его яркие спектакли вызвали в те годы бурные споры на страницах театральных газет и журналов. Здесь жила на сцене ее Кармен — ворожила, колдовала, обольщала...

В том раю тишина бездыханна,
 Только в куще сплетенных ветвей
 Дивный голос твой, низкий и странный,
 Славит бурю цыганских страстей.

Но... «Как бы ни был влюблен Блок, как бы ни старался он приобщить эту женщину к своему миру, разность понятий, самый уровень духовности давали о себе знать — и чем дальше, тем больше, — пишет В. Орлов. — Встречи продолжаются, но в отношениях возникает натянутость. Она зовет его в театр — будет петь Леля, он отказывается. Не идет даже на возобновленную «Кармен». Она ищет повод для встречи...

«Л.А. Дельмас звонила, а мне уже было «не до чего», Потом я позвонил — развеселить этого ребенка».

Так начался и прошел и 1915 год. В конце июля Любовь Александровна гостила в Шахматове, по вечерам пела за старинным бекетовским клавесином арии из «Кармен» и «Хованщины», романсы. Много говорила с Блоком — все о том же: о взаимном непонимании. В августе он послал ей прямое, суровое письмо: «...ни Вы не поймете меня, ни я Вас — по-прежнему. А во мне происходит то, что требует понимания, но никогда, никогда не пойдем друг друга мы, влюбленные друг в друга... В Вашем письме есть отчаянная фраза (о том, что нам придется расстаться), — но в ней, может быть, и есть вся правда... Разойтись все труднее, а разойтись надо... Моя жизнь и моя душа надорваны; и все это — только искры в пепле. Меня настоящего, во весь рост, Вы никогда не видели. Поздно».

Подурнела, пошла, обернулась,
 Воротилась, чего-то ждала,
 Проклинала, спиной повернулась
 И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
 За старинное дело свое, —
 Неужели и жизнь отшумела,
 Отшумела, как платье твое?

Пришел 1917 год, царь подписал отречение от престола... Блок после службы в инженерно-строительной дружине возвратился в Петроград, целиком поглощенный работой в Верховной следственной комиссии. Между делом сообщал матери: «Несчастливая

Дельмас всякими способами добивается меня увидеть». Внешняя канва их отношений проста и не столь уж нова: увидел — загорелся — увлек — остыл — стал избегать, когда поверившая женщина уже не могла обойтись без его любви...

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — все мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

Хотя справедливости ради надо отметить, что имя Л. Дельмас довольно часто мелькало в дневниковых записях поэта вплоть до его кончины в 1921.

«Л.А. Дельмас прислала Любе письмо и муку, по случаю моих завтрашних именин. Да, «личная жизнь» превратилась уже в одно унижение...»; «Л.А. Дельмас прислала мне цветы и письмо...»

Нередко хроника дневных дел заканчивалась лаконичным: «Вечером (или ночью) — Л.А. Дельмас».

Наверное, о многом могли поведать и письма Любви Александровны к Блоку, но, к сожалению, все они были уничтожены.

Вот еще несколько показательных и лаконичных строчек из блоковского дневника:

«Ночью — на улице — бледная от злой ревности Дельмас...» (утром после очередных гастролей вернулась его ненаглядная жена — «шаловливая Любочка»).

«Ночью любовница. Она пела грудным голосом знакомые песни.

Ночью — опять Дельмас, догнавшая меня на улице. Я ушел. Сегодня ночью я увидел в окно Дельмас и позвал ее к себе. Люба тоже уходила куда-то...»

И при этом чуть ли не каждая дневная или ночная запись кончается панегириками в честь самой главной Прекрасной Дамы — законной супруги. Неисповедимы пути твои, любовь...

...Любовь Александровна пережила поэта на полвека. После слияния театра Музыкальной драмы с Народным домом она до 1922 г. пела в организованном на их основе Государственном Большом оперном театре, много гастролировала по стране — по Сибири и Уралу, Башкирии. В Минусинском оперном театре Андреева-Дельмас впервые выступила в качестве режиссера, поставив оперы «Пиковая дама» и «Черевички». В 1933 оставила сцену и занялась педагогической деятельностью. Сначала преподавала в Музыкальном училище при Ленинградской консерватории, а затем и в ней самой, где в 1938 получила звание доцента.

В годы Великой Отечественной Любовь Александровна вместе с мужем жила в Ленинграде, выезжала с концертными бригадами на фронт, выступала перед бойцами. О страшном блокадном времени позднее написала воспоминания...

Андреевой-Дельмас не стало в апреле 1969. Вспоминали бы о ней сегодня, если бы не страсть Александра Блока, благодаря которой и был написан всего за две недели замечательный цикл «Кармен»?

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе...